

Лоес Моррен

Кредит истины

«Автор»

2026

Моррен Л.

Кредит истины / Л. Моррен — «Автор», 2026

В день своего совершеннолетия Марк Рид получил не удостоверение личности и не знак гражданской зрелости - ему вручили счёт. В нём значилось: стоимость рождения, питания, обучения, начисленные проценты. Корпорация Конкорд оплатила его детство; теперь он обязан вернуть долг. Конкорд заботится о каждом. Он предоставляет работу, регулирует тревожность с помощью ингаляторов Аэро Плюс, предлагает скидку на долг за рождение ребёнка, но ровно двадцать процентов, не более. Тем, кто желает ускорить погашение, предоставляется возможность службы на чужой войне. Три просрочки, и право на принудительное трудовое назначение вступает в силу. Кредит истины — антиутопия о мире, где несогласие имеет ежедневную стоимость, а согласие способно спасти самого дорогого человека. И где слово свободен, выведенное на экране чип карты, звучит не как освобождение, а как окончательная запись в учётной книге.

© Моррен Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лоес Моррен

Кредит истины

Глава 1

Марк проснулся до сигнала, потому что мать кашляла на кухне. Она старалась делать это тихо, прикрывая рот полотенцем, но между приступами у неё получался короткий свист. За стеной включили воду, в потолочной трубе что-то ударило, и свист на несколько секунд пропал в обычном утреннем шуме.

Он лежал, пока кашель не прекратился, затем достал карту из кармана рабочих брюк. Терминал возле кровати показал шесть единиц и десять сотых доступного остатка. Ниже стояли два вечерних платежа: двадцать две сорок за его счёт и двенадцать сорок за счёт Грейс.

Ингалятор стоял на полке рядом с зубной щёткой. Он повернул кольцо до щелчка, вдохнул и подержал воздух, пока зелёная полоска не погасла. Во рту осталось слабое сладковатое ощущение, которое прошло после первого глотка воды.

Грейс сидела у стола уже одетая, хотя выходить ей было некуда. На плите подогревалась каша, крышку она прижала чашкой, чтобы не стучала. Марк заметил на сушилке фильтр лечебного прибора: его промыли, но серое пятно возле клапана осталось.

— Ты опять поставила старый? — Он снял фильтр и повернул к окну. — На нём дата ещё с прошлой недели. Хелен сказала менять после трёх использований, ты сама мне передала.

— Хелен сказала много чего, а выдали нам четыре штуки, — ответила Грейс. — Этот ещё тянет воздух, я проверяла. Положи его обратно, пожалуйста, иначе я забуду, куда ты убрал.

Марк посмотрел на стакан возле прибора. Для промывки она использовала кипячённую воду, значит, ночью вставала ещё раз и включала плиту. Он положил фильтр на чистую тарелку, где его можно было найти сразу, и сел напротив.

— Сегодня можно попросить повторный приём, — сказал он. — Я узнаю, есть ли окно после смены, а ты пока собери прошлую выписку. Если опять будут спрашивать про снимок, он сохранён у меня на тестере.

— После смены ты пойдёшь на сортировку, если там дадут часы. На приёме меня взвесят и спросят, стало ли легче, а за это возьмут столько же, сколько в прошлый раз. Выписка лежит в верхнем ящике, я ничего не выбрасываю.

Она подвинула ему миску, а сама стала отделять ложкой тёмную корку от дна кастрюли. Марк хотел сказать, чтобы она не ела пригоревшее, но вспомнил, как они вчера делили остаток сухой смеси. Он молча поменял миски местами и сделал вид, что не заметил её взгляда.

— Я не прошу тебя решать всё сегодня, — сказала Грейс. — Только не считай дополнительные часы до того, как тебе их подтвердят. В прошлую среду ты пришёл с пустыми руками и потом до полуночи искал, у кого занять.

— Я помню, что было в среду. И предупреждение у меня тоже сохранено, если ты хотела напомнить. Но фильтр сам новым не станет, пока мы сидим и считаем, как лучше ничего не делать.

Грейс убрала ложку на край тарелки. В кухне стало слышно, как сосед сверху передвигает стул, и Марк несколько секунд смотрел на собственные руки. На большом пальце была трещина от растворителя; он согнул его, пока кожа не начала щипать.

— Я не это хотел сказать, — произнёс он. — На приём сегодня всё равно не успеем, запись закрывают утром. Я попрошу часы и вечером посмотрю, сколько останется на новые фильтры.

— Посмотри, — согласилась она. — А кашу доешь, пока тёплая. С собой я положила хлеб в пакет, он не из твоего сегодняшнего пайка.

Перед уходом Марк подтянул винт на ручке кухонного шкафа. Резьба в тонкой плите уже не держала, и он вставил в отверстие обломок деревянной шпатель из старого набора питания. Ручка перестала качаться, хотя винт теперь выступал на полмиллиметра.

У двери пришлось приложить карту дважды. Замок открылся, а терминал напомнил об одной просрочке за расчётный период и предложил ознакомиться с условиями восстановления финансовой устойчивости. Марк погасил экран ладонью, чтобы мать не прочитала уведомление из кухни, и вышел.

В коридоре пахло влажной одеждой и средством для промывки труб. На третьем этаже лифт не остановился: утром его направляли на нижние площадки, где жило больше работников первой смены. Марк спустился по лестнице и у выхода сверился с часами над пропускной рамкой.

На получение пайка оставалось девятнадцать минут. Если очередь двигалась обычно, до завода он успевал пешком и сохранял стоимость рабочего транспорта. Он перешёл улицу там, где разметку почти стёрли колёсами грузовых платформ, и занял место под экраном.

Лира появилась без звука, пока заканчивалась реклама нового вкладыша для ингалятора. Потом включили голос, мягкий и достаточно громкий, чтобы его слышали у последнего окна выдачи. На её светлой одежде не было карманов, складки оставались неподвижными, когда она поднимала руку.

— Совершеннолетие означает право самостоятельно распоряжаться своей жизнью. Личный кредит объединяет расходы, которые общество приняло на себя в годы вашего взросления. Своевременный платёж сохраняет доступ к привычным услугам и подтверждает вашу готовность отвечать за собственные решения.

Сегодня работали три окна из пяти. У четвёртого висела табличка о техническом обслуживании, у пятого сотрудница пересчитывала упаковки, не поднимая головы. Старик в синей рабочей куртке задержался у первого окна и снова поднёс карту к считывателю.

— Вчера я здесь получал, — сказал он. — Вот пакет с вашей отметкой, ещё даже не выбросил. Посмотрите по номеру, у меня смена с семи.

— Сегодня у вас другая категория выдачи. Мне не открывается ячейка, пока вы прикладываете эту карту. Отойдите, пожалуйста, вправо, там можно распечатать маршрут.

Старик отошёл на полшага и посмотрел туда, куда она показала. В нише стоял терминал без клавиатуры; на экране менялись сведения о пищевой ценности пайка. Он приложил карту, но отпустил её до того, как считыватель закончил проверку.

Марк вышел из очереди и придержал край карты. Старик не сразу разжал пальцы, словно молодой человек собирался забрать её себе. Когда появился маршрут, Марк нажал кнопку печати и увидел адрес распределительного центра на другой стороне железнодорожной ветки.

— Это ошибка, у меня нет назначения туда, — сказал старик. — Меня вчера перевели на полсмены, потому что полный день я уже не прохожу по здоровью. Я думал, они пересчитают норму, а не отправят за едой к железной дороге.

Марк вернулся к окну и попросил сотрудницу проверить категорию. Она ввела номер вручную, дождалась ответа и показала ему красную строку, не разворачивая экран до конца. В графе основания стояло изменение рабочего режима, но дата начала нового маршрута не совпадала с датой перевода.

— Выдайте ему сегодня, а потом поправят, — попросил Марк. — Здесь же видно, что даты разные. Он иначе на смену не успеет, даже если сразу пойдёт туда.

— Я не могу поправить дату и не могу открыть ячейку. Заявление примут там же, куда его направили. Если хотите помочь, покажите ему короткий проход, а здесь задерживать людей не нужно.

Марк взял распечатку и объяснил старику, как выйти к подземному переходу. Тот слушал внимательно, повторил номер улицы и убрал бумагу во внутренний карман. Ему было важнее не ошибиться ещё раз, чем продолжать спор с окном.

Пока Марк возвращался, женщина из соседнего подъезда раскрыла свой пакет. Она переложила одну хлебную упаковку в сумку стоявшей рядом женщины, которая прятала уменьшенный набор под курткой. Обе продолжали смотреть на табло, будто пересчитали только собственные вещи.

Свое место он сохранил благодаря мужчине, стоявшему сзади. Тот пропустил его, но постучал ногтем по часам и сказал, что выдача не обязана оправдывать чужие опоздания. Марк получил кашу в плоском контейнере, хлеб, ингалятор и бумажную салфетку, которую сразу убрал для пайки.

До начала смены оставалось восемь минут. Отсюда пешком было не меньше одиннадцати, даже если не останавливаться у грузового перекрёстка. Марк пошёл к остановке и оплатил две единицы сорок за транспорт, прежде чем успел ещё раз посчитать вечерний остаток.

В заводской рамке его карта сработала с первого раза. На табло оставалось сорок семь секунд до начала смены, и Марк успел взять халат, не дожидаясь, пока высохнут ладони после промывки. Генри Коул стоял у третьего стола и поворачивал к свету ногу андроида.

— Сначала этот, потом два корпуса из ночного брака, — сказал он. — У этого привод останавливается при нагрузке, хотя на свободном ходе всё нормально. Не лезь сразу в редуктор, вчера там уже лазили и ничего не нашли.

Андроид лежал на стенде лицом к потолку. Вместо глазных стёкол на нём стояли защитные заглушки, рот был закрыт полоской транспортной плёнки. На грудной панели сохранилась наклейка с первой проверки: готов к комплектации.

Марк подключил питание и запустил медленное сгибание ноги. Привод прошёл половину хода, остановился и снова начал движение после снятия нагрузки. В журнале стояло три одинаковых сообщения об отклонении тока, но измерение без нагрузки укладывалось в допуск.

Он отключил питание, проверил кабель до блока управления, затем отстегнул кожух. На одном контакте была тёмная точка, почти незаметная возле штатного покрытия. Марк поднёс лампу ближе и прижал разъём деревянной палочкой; показание сопротивления изменилось.

Артур Хейл подошёл, когда он снимал фиксатор. Начальник держал планшет обеими руками и смотрел на него, а не на раскрытый привод. В ведомости напротив этого стенда уже появилась жёлтая полоса задержки.

— По инструкции здесь замена узла, — сказал Артур. — Мне нужен закрытый результат до обеда, отправка комплектуется сегодня. Если снова оставим на завтра, ремонтную премию по этому корпусу снимут со всей группы.

— Узел исправный, у него контакт нагревается. Я перепаяю и проверю под нагрузкой, это быстрее, чем ждать замену со склада. Если останется отклонение, тогда оформим весь привод.

Артур посмотрел на Генри, ожидая подтверждения. Старший ремонтник взял разъём, проверил его сам и вернул Марку. На столе лежал чистый бланк, который позволял списать дорогостоящий узел без каких-либо дополнительных объяснений.

— Дай ему сорок минут, — сказал Генри. — Проверку я подпишу, не он. Если ток не выровняется, до обеда ещё успеем взять замену.

Артур поставил в ведомости время повторного контроля. Марк дождался, пока начальник уйдёт, и принёс маленький паяльник с регулируемым нагревом. Генри велел сначала закрыть соседнюю плату от капель припоя, хотя Марк и сам собирался это сделать.

Джеймс Уокер пришёл за динамометрическим ключом. Его пропуск висел на длинной ленте и всё время цеплялся за край халата. Он придержал его локтем, пока рассматривал раскрытую ногу.

— Ему опять сустав меняют? — спросил Джеймс. — Мне бы так колено после лестниц разобрали, смазали и вернули к вечеру. Только без вашей плёнки на лице, я с ней суп не съем.

— У него контакт, а тебе надо меньше бегать по лестницам. Ключ в нижнем ящике, только возьми вкладыш вместе с ним. В прошлый раз ты вернул инструмент, а вкладыш мы потом искали целую смену.

Генри попросил обоих освободить проход для тележки. Джеймс взял ключ, но перед уходом положил рядом с Марком запасную оплётку, которую принёс из своего цеха. Марк хотел спросить, зачем тот заходил к складу так рано, однако привод уже требовал повторного запуска.

После пайки ток выровнялся. Машина выдержала рабочую нагрузку, затем ещё два прохода в верхней границе допуска, и Марк поставил корпус вертикально. Андроид перенёс вес на обе ноги и замер, ожидая команды со стенда.

Генри дождался последнего цикла и вошёл в свою сервисную сессию. Он записал ремонт контакта, приложил карту к подтверждению и только тогда разрешил закрыть кожух. Рядом с результатом появилось его имя, а напротив группы исчезла полоса задержки.

— Если потом всплывёт, отвечать буду я, — сказал Генри. — Поэтому не называй это обычной заменой и не приучайся писать, что удобнее. На таком ремонте иногда держится смена, но иногда на нём же она и заканчивается.

Марк кивнул и перепроверил, правильно ли записан номер разъёма. Ему хотелось поблагодарить Генри за сохранённую премию, но при остальных это прозвучало бы так, будто он просил подписать работу без проверки. Он убрал инструменты, а новую салфетку использовал, чтобы стереть остаток флюса со стенда.

К обеду в цехе стало теплее, хотя вентиляция гудела на прежней скорости. Марк закрыл второй корпус и пошёл к боковому коридору, где между сменами разрешалось есть. Джеймс сидел на перевёрнутом ящике и пытался открыть контейнер одной рукой, удерживая карту в другой.

Марк забрал контейнер, поддел край крышки и вернул его другу. На экране карты успело появиться предупреждение, но Джеймс погасил его большим пальцем. Каша внутри ещё сохраняла прямоугольную форму упаковки.

— Второе? — спросил Марк, садясь рядом. — У тебя же вчера оставалось до расчёта. Ты говорил, что перенесли только плату за уход.

— Плату перенесли на вчера, а вчера я не вышел. Рут утром не смогла встать, и я ждал, пока придёт дежурная помощница. Она явилась после десяти, а смену с середины мне не засчитали.

Джеймс разломил кашу ложкой и поискал в ней мясную добавку. Марк открыл свой контейнер, хотя есть сразу расхотелось. В конце коридора работал автомат с горячей водой; к нему подошли двое и стали ждать, пока нагреется следующая порция.

— Мы могли поменяться, я бы вышел за тебя. Сегодня вечером дадут сортировку, если у меня будет место, я спрошу и для тебя. За два вечера ты бы закрыл хотя бы вчерашний платёж.

— Вчерашний я закрою, только предупреждение от этого не исчезнет. До следующего мне надо ещё прожить сегодня и завтра. А я теперь плачу помощнице за часы, когда раньше Рут оставалась одна.

Он всё-таки включил карту и открыл расчёт. В строке дохода стояла оплата за четыре смены, под ней — жильё по совместному договору, питание и обслуживание медицинского оборудования. Пропущенную смену отметили серым прямоугольником, который не уменьшал ни одну из нижних строк.

— Здесь можно оспорить уход, если есть назначение врача, — сказал Марк. — Не весь счёт, хотя бы один день. Они не могут считать, что ты просто решил дома посидеть.

— Они так и не считают, я указал причину. Посмотри, там написано про уход за членом семьи, всё правильно. Правильно записанная причина не делает этот день оплаченным, я уже спросил.

Марк прочитал ответ в нижней части экрана. Джеймс действительно подал запрос, приложил подтверждение и получил разъяснение о возможности заранее заказать замещающего работника. Запрос был закрыт, потому что объяснение признали достаточным.

— Заранее Рут могла хотя бы предупредить, что утром не встанет, — сказал Джеймс. — Мы бы с ней всё оформили вечером и спали спокойно. Надо поговорить, почему она так плохо планирует своё здоровье.

— Не надо так о ней, — ответил Марк. — Я понял, что ты имеешь в виду, но всё равно не надо. Моя тоже стала извиняться, когда ночью кашляет, и я не знаю, что ей отвечать.

Джеймс посмотрел на него и закрыл расчёт. Несколько секунд оба ели, слушая, как в соседнем проходе переставляют пустые тележки. Потом друг придвинул свой контейнер и показал маленький кусок добавки, который обнаружился на дне.

— Вот за это стоит жить, Рид, — сказал он. — Сегодня нам достался настоящий угол мяса, только разрезали его на двоих. Если твой угол больше, можешь хотя бы не показывать.

— У меня вообще нет, можешь проверить. Значит, ты получил моё, пока я помогал одному деду у выдачи. Я бы попросил вернуть, но теперь это уже медицинский случай.

Джеймс засмеялся и чуть не уронил ложку. В учебном корпусе они спорили из-за таких контейнеров, пока однажды не поменялись ими и не обнаружили, что разницы нет. Тогда у них ещё не было личных счетов, и можно было всерьёз обсуждать, на каком участке заработать на отдельную комнату с окном.

До конца перерыва оставалось четыре минуты. Марк убрал контейнер и на своём терминале открыл дополнительные назначения. Сегодня требовались двое на сортировку электронных отходов; за подтверждённый вечер обещали семь единиц двадцать сотых.

Он подал заявку, затем вернулся в цех за картой Генри, которой отмечали допуск к ремонтному инструменту. Два предупреждения Джеймса не добавили ничего нового к правилам, но теперь Марк видел в них два конкретных утра. На своё первое он старался не смотреть, будто отсутствие взгляда помогало сохранить расстояние до следующего.

Дополнительные часы подтвердили незадолго до конца основной смены. Марк закончил последний корпус, сдал проверку и переоделся в плотный сортировочный жилет. Генри оставил ему набор отвёрток под расписку и велел вернуть до начала завтрашнего ремонта.

Сортировочный зал находился за погрузочным двором. Здесь не было стендов, только столы с вытяжками, весы и контейнеры для разных материалов. Под потолком шёл закрытый желоб, по которому поступали упаковки из служебных шахт верхнего уровня.

Марк занял место рядом с женщиной, работавшей здесь после дневной уборки. Она показала, куда складывать элементы питания с повреждённой оболочкой, и подвинула ему поддон. На нём лежали шесть одинаковых светильников с целыми корпусами.

Он проверил первый и нашёл разрыв возле штекера. Светильник можно было починить за несколько минут, но в сортировочном задании не было графы восстановления. Марк снял плату, отделил металл и положил прозрачную оболочку туда, где она уже не отличалась от остальных.

Деньги начисляли только после закрытия всей вечерней ведомости. Сегодня оператор ждал уточнения по контейнеру питания, который привезли без одного транспортного пломбировочного номера. Марк посмотрел на часы и спросил, можно ли закрыть их стол отдельно от этого контейнера.

— Если начальник подтвердит разделение, закрою. Я запрос уже отправил, второй раз отправлять нельзя, иначе первый уйдёт в повторную проверку. Работайте пока, у вас ещё двадцать минут оплаченного времени.

К концу задания начальник подтвердил разделение партии. Оператор провёл расчёт, приложил свой пропуск и попросил Марка проверить количество часов. На его карте появились семь двадцать, а после следующего обновления — оплата основной смены с сохранённой ремонтной премией.

Марк отошёл к свободному терминалу у выхода. После утреннего транспорта, обоих платежей и сегодняшнего заработка должно было остаться четыре девяносто; он дважды проверил эту сумму, прежде чем открыть перевод. До срока оставалось семь минут, но связь с финансовым узлом обычно занимала меньше одной.

Сначала он погасил обязательство по своему счёту. Потом выбрал счёт Грейс, подтвердил право семейного платежа и дождался отдельного уведомления о зачислении. Зелёная строка появилась не сразу, и он всё это время держал карту возле считывателя, хотя устройство уже не требовало её присутствия.

У выхода оператор остановил его, чтобы подписать завтрашнюю предварительную ведомость. На листе была указана партия электронных отходов с административной террасы, включая бытовые и вспомогательные автоматические системы. Напротив двух мест сортировщиков пока стояли пустые поля.

— Если хочешь, внесу тебя сейчас. Подтвердят утром, но обычно по такой партии часы оставляют. Там надо аккуратнее с платами, они часть забирают на повторную проверку.

Марк попросил внести его и расписался в предварительной заявке. Он вышел во двор с набором Генри под мышкой и потёр пальцем запястье, где за время работы натирал край перчатки. Рабочий транспорт уже ушёл, но теперь можно было идти пешком, не боясь потерять деньги из-за дороги.

У дома экран перевели на ночную яркость. Лира напоминала об экономии энергии, а возле двери двое соседей ждали, пока у одного обновится разрешение на вход. Марк прошёл после них и впервые за весь день не вынул карту, чтобы проверить остаток.

Грейс оставила еду на плите под той же крышкой с чашкой. Она сидела в кухне, разбирая нитку из манжеты старой кофты, и подняла голову, когда он поставил инструменты на пол. На стуле для него лежало чистое полотенце.

— Всё прошло, — сказал Марк, показывая зелёные строки. — И твой, и мой, я отдельно проверил. Ещё осталось немного, завтра узнаю цену фильтров без упаковки на полный набор.

— Сначала руки вымой, у тебя пальцы чёрные. Воду я оставила в чайнике, из крана опять идёт холодная. Каша загустела, но если добавить немного, будет как утром.

Он умылся, вернулся и сел за стол. Грейс подвинула к нему хлеб, который утром положила с собой и который он принёс обратно. Марк разломил его, половину оставил возле её тарелки и начал есть, ощущая, как после долгого стояния тяжелеют ноги.

Терминал возле двери подал короткий сигнал. Марк хотел оставить сообщение до утра, но на экране появилась отметка медицинского обслуживания. Повторную консультацию Грейс предлагали в пятницу; стоимость при подтверждении записи добавлялась к текущим начислениям.

Он открыл условия и увидел, что направление действительно осталось действующим после прошлого обследования. Мать посмотрела на экран, затем снова на свою тарелку. Марк не стал закрывать окно ладонью, как утром, и дочитал до конца.

— Я завтра ещё на сортировку записался, — сказал он. — Утром подтвердят часы, тогда посчитаем, можем ли взять этот приём. Пока ничего не отклоняй, пусть побудет до завтра.

Грейс кивнула и убрала чашку с крышки. Марк поставил медицинское уведомление на отсрочку, проверил время начала новой партии и положил карту рядом с инструментами. За сегодняшнюю ночь они уже заплатили, а завтрашняя ведомость пока оставалась предварительной.

Глава 2

В пятницу Марк вышел из дома раньше, подтвердив запись Грейс на приём. Стоимость консультации он присоединил к медицинскому остатку с перерасчётом ежедневного платежа. Мать сказала, что дойдёт сама, если он встретит её возле медицинского корпуса.

Марк получил паёк, дошёл до завода пешком и вернул Генри инструменты. Сортировку подтвердили на вечер, после приёмки новой партии. Он проверил время начала и убедился, что после врача успеет вернуться.

К первому короткому перерыву на его столе оставался один корпус. Марк снял перчатки и стал искать чистое место для контейнера, когда к стенду подошла Эмили Брукс. Она работала на соседней линии проверки оболочек, где через её руки проходили детали, которые он потом раскрывал изнутри.

Они разговаривали и раньше, главным образом о маркировке брака. Эмили однажды вернула ему партию с трещинами, которые он считал поверхностными, и заставила посмотреть повторный снимок. После этого он проверял её красные метки до того, как подписывал получение.

— У тебя есть десять минут без Генри? — спросила она. — Мне надо кое-что предложить, только сначала выслушай до конца. Если не захочешь, скажешь, и я больше к этому не вернусь.

Марк указал на свободный стул, но она осталась стоять. Из кармана халата Эмили достала сложенный лист с таблицей и положила его поверх закрытого контейнера. В верхней строке стоял его номер, ниже — два расчёта, сделанных на разные сроки.

— Ты мой счёт проверяла? — Он придвинул лист, не касаясь пальцами контейнера. — Я тебе разрешение не давал. В ведомости участка только рейтинг, остальное должно быть закрыто.

— Остальное и закрыто, я поставила примерную сумму по твоему возрасту. Здесь можно заменить цифру, когда ты сам откроешь остаток. Мне нужен партнёр для регистрации союза, у тебя один красный платёж и пока нет ограничений по семейной программе.

Он посмотрел на неё, ожидая улыбки. Эмили разгладила загнутый край бумаги и показала строку с названием льготы. На заводе это объявление появлялось между сообщениями о сменах, но Марк никогда не открывал условия.

— Ты хочешь, чтобы я на тебе женился ради кредита? — спросил он. — Мы даже за пределами этого корпуса не встречались. Или тебе только надо сравнить расчёт, а я сейчас зря всё это говорю?

— Мне надо уменьшить долг и получить разрешение на ребёнка. Предварительное у меня есть, оно действует при регистрации с подходящим партнёром. Не надо изображать, будто я призналась тебе в любви, я предложила обсудить условия.

Она произнесла это без раздражения, но лист прижала сильнее. Марк открыл контейнер, затем снова закрыл его, потому что не знал, уместно ли есть во время такого разговора. Эмили взяла второй стул и наконец села напротив.

— Первый ребёнок снимает двадцать процентов основного остатка родителей. Если жить в одной квартире, платёж за жильё на двоих меньше, чем за две комнаты отдельно. Ты мать не бросаешь, я это уже учла, просто надо будет заявить её в составе хозяйства.

— А ты ребёнка сама хочешь или только эти двадцать процентов? — спросил Марк. — Мне надо понимать, о чём мы говорим. Потому что квартиру можно поменять ещё раз, с ребёнком такого пункта нет.

Эмили убрала с бумаги ладонь. На правом рукаве у неё была белая полоска от клея, и она стала соскабливать её ногтем, прежде чем ответить. Марк заметил, что на схеме квартиры она отвела Грейс место возле окна, хотя окно там было условным прямоугольником без размеров.

— Я хочу ребёнка, Марк. Просто разрешение мне выдают сейчас, а платить меньше мне тоже нужно сейчас, и я не могу развести эти вещи по разным годам. Если тебе неприятно, что я умею считать, давай дальше не будем.

Он сказал, что считать ему не неприятно, и попросил показать полные условия. Эмили сообщила, что в обед работает семейное окно у проходной и там можно получить совместный предварительный расчёт без регистрации. Марк согласился сходить, не обещая ничего, а она сложила лист так, чтобы его номер оказался внутри.

Эмили ждала у проходной с двумя нераспечатанными хлебными упаковками. Одну протянула ему, сказав, что иначе они снова не успеют поест, и пошла к служебному павильону. Марк взял хлеб, но перед входом проверил, не вызовет ли выход с территории преждевременное закрытие смены.

Окно семейных услуг помещалось рядом с отделом пропусков. За перегородкой называли номера грузовых платформ. На стене Лира держала ребёнка, лицо которого было повернуто к её плечу.

Эмили приложила карту и выбрала предварительное разрешение. Марк дал согласие на один расчёт, внимательно сняв отметку с последующего обмена сведениями. После этого сотрудница за столом получила доступ к основным остаткам, но не к медицинским документам Грейс.

— Регистрация союза возможна после проверки совместного адреса, — сказала она. — Ваше разрешение на рождение действительно ещё пять месяцев. Продление рассматривается отдельно, поэтому мы рекомендуем не оставлять подготовку на последний период.

Марк увидел свою сумму рядом с суммой Эмили. Вместе получалось восемьдесят тысяч четыреста единиц, списание после первого рождения составляло шестнадцать тысяч восемьдесят. Цифра была больше всех денег, которые он когда-либо видел в доступном остатке.

— Это снимут сразу после регистрации? — спросил он. — Или после того, как подтвердят беременность? В короткой справке написано про участие в программе, но момент зачисления я не нашёл.

— После регистрации рождения, не союза. До этого действует предварительное согласование, при котором доступны обследования по семейному тарифу. Мы сейчас можем показать вам план сопровождения, чтобы вы оценили расходы заранее.

Она открыла таблицу, где суммы были разделены на обязательные и рекомендуемые. Эмили попросила убрать рекомендуемые, а затем вернуть один пункт, потому что без него не понимала разницу между двумя схемами ухода. Марк смотрел на начисления до рождения: их должны были оплачивать в те месяцы, когда двадцати процентов ещё не существовало.

— Здесь написано, что перевод на облегчённый участок сохраняет место. А ставка сохраняется или только место? Мне в цехе сказали, что это зависит от доступных заданий, и я хочу получить точный ответ.

Сотрудница предложила обратиться к производственному координатору. Эмили попросила зафиксировать, что семейный расчёт не учитывает возможное снижение дохода, и дождалась появления отметки. Марк увидел, как быстро исчезла часть преимущества, когда вместо обычной зарплаты поставили минимальную ставку.

— Тогда кто будет с ребёнком, когда вы оба на работе? — спросил он. — Я иногда заканчиваю после вечернего расчёта, а ты тоже берёшь дополнительные часы. Моя мать не сможет сидеть с ним весь день, у неё сейчас даже дорога до врача занимает больше часа.

— Я не предлагала назначить твою мать бесплатной помощницей. Здесь есть сменный уход, я его внесла, только не на каждую ночь. Если ты с самого начала считаешь, что я собираюсь скинуть всё на Грейс, ты мог спросить меня ещё в цехе.

Сотрудница дождалась паузы и включила отдельный расчёт присмотра. Теперь они втроём смотрели на строку, которая почти возвращала месячный платёж к прежней величине. Списание основного остатка оставалось большим, но получать его предстояло вместе с новыми постоянными расходами.

— А содержание ребёнка входит в эту сумму? — спросил Марк. — Или потом ему откроют свой кредит за все эти годы? Я хочу видеть, какая часть оплачивается нами, чтобы не считать один расход два раза.

— Сейчас рассчитываются обязательства родителей и доступная им поддержка. После совершеннолетия гражданин получает личный счёт по действующим на тот момент правилам. Детские услуги до этого предоставляются в рамках отдельной программы, их условия не входят в вашу амнистию.

Эмили попросила распечатать не рекламную памятку, а полный перечень условий с номером редакции. Сотрудница сообщила стоимость печати, и Эмили оплатила её, не спрашивая Марка. Последний лист вышел без рисунка Лиры, мелкие строки занимали бумагу до нижнего края.

В конце распечатки оставалось условие о втором рождении, для которого требовалась отдельная квота. Повторное списание не предусматривалось, и сотрудница подчеркнула это, возвращая им документы. Эмили прочитала пункт и сложила листы по первому сгибу.

К проходной они вернулись с остатком в три минуты до конца перерыва. Марк успел доест хлеб, пока Эмили искала на распечатке графу с дополнительным уходом. Крошки попали на рукав, и она стряхнула их так же тщательно, как утром снимала клей.

— Если не брать ночные часы, уход можно сократить. Я ещё спрошу про семейные смены, иногда одному дают начало раньше, другому позже. Мне только нужно знать, ты вообще допускаешь такой вариант или пришёл убедиться, что я всё неправильно посчитала.

— Я не могу, — сказал он. — Даже если у нас получится уменьшить платёж, я не готов отвечать ещё за одного человека. У матери сегодня приём, а я до последнего не знал, подтверждать ли запись.

— Я слышала про приём и не просила отменять его. Как раз поэтому и предложила уменьшить то, что с нас берут каждый вечер. Ты говоришь так, будто я пришла добавить тебе расходы, а до меня ты справлялся и собирался скоро закрыть счёт.

— Я не собираюсь скоро его закрыть. Но это не значит, что можно сделать нового человека частью расчёта. Получается, мы ещё его не видели, а уже знаем, сколько за него нам дадут.

Эмили прижала листы к халату, чтобы они не задевали рамку. Марк понял по её лицу, что сказал не то, но продолжил, пытаясь объяснить мысль до того, как она отвернётся. Он добавил, что не хочет торговать будущей жизнью, и услышал, как это прозвучало вслух.

— Ты со мной только что сидел и смотрел сумму. Большая цифра тебе понравилась, я видела, как ты её перечитал. А теперь ты рассказываешь, что я продаю ребёнка, потому что я первая достала бумагу.

Она прошла рамку раньше него и ушла в соседний коридор. Марк хотел окликнуть её, но охранник попросил убрать карту от считывателя: проход уже подтвердился. Он вернулся к стенду, где на экране стояло задание на проверку четырёх одинаковых блоков.

К середине дня он открыл семейную справку ещё раз. Шестнадцать тысяч никуда не исчезли из предварительного расчёта, хотя согласие второй стороны больше не было активно. Он закрыл окно, но прежде успел представить, сколько лечебных фильтров можно было бы купить на эту сумму, если бы её разрешали получить деньгами.

Ближе к концу смены Марк подошёл к соседней линии. Эмили отмечала трещины на белой оболочке и не подняла головы, пока он не попросил дать ему минуту. Она закончила запись, положила карандаш рядом с масштабной линейкой и ждала.

— Я неправильно сказал про торговлю, — начал он. — Ты не обязана хотеть ребёнка каким-то способом, который мне кажется правильным. Я увидел все эти строки и разозлился, а отвечать за них заставил тебя.

— Я за свои строки отвечаю, Марк. Только ты мог просто отказаться, без объяснения, какой я человек. Мне пришлось бы всё равно искать другое решение, но хотя бы не пришлось бы сейчас спорить, что я действительно хочу семью.

Он сказал, что отказ остаётся в силе. Эмили кивнула и забрала со стола линейку, хотя измерять больше ничего не требовалось. Потом попросила его не рассказывать об их разговоре Джеймсу и остальным, потому что предложение касалось только двоих.

— Не расскажу, — ответил Марк. — И твой лист в расчёте я закрыл, никто его с моего терминала не увидит. Если нужен номер платы с утреннего брака, он у меня записан, я могу передать до ухода.

— Передай Генри, мне завтра понадобится. А бумагу я не выбросила, если ты вдруг думаешь, что я всё поняла и перестала считать. За нас давно считают другие, я хочу хотя бы видеть, где стоят числа.

Она вернулась к оболочке, а Марк отступил из прохода. На участке ещё работали люди, которым он собирался сдавать свои закрытые задания; никакого другого источника дохода здесь не было. Он посмотрел время приёма Грейс и пошёл оформлять выход, оставив заявку на вечернюю сортировку действующей.

Грейс стояла возле медицинского корпуса, опираясь ладонью о стену. Пакет она держала в другой руке и не отдала Марку, когда он подошёл. Сказала, что пришла рано, посидела внизу, а здесь ждёт только последние несколько минут.

Хелен Уорд сидела у приоткрытого окна. Возле сетки висела полоска бумаги, показывавшая движение воздуха. Врач поздоровалась с Грейс по имени и спросила, что изменилось после прошлого приёма.

— По лестнице теперь останавливаюсь на каждом пролёте. Ночью тоже стало хуже, но я после прибора засыпаю, если не выключать сразу. Фильтр ещё работает, просто запас закончился раньше, чем я думала.

Марк достал использованный фильтр. Грейс недовольно посмотрела на него. Хелен взяла фильтр за пластиковый край и положила возле клавиатуры.

— Он уже плохо пропускает поток. Прибору приходится работать сильнее, а вы получаете меньше, чем показывает время сеанса. Промывка не возвращает ему прежние свойства, даже когда внешне он кажется чистым.

— Я знаю, — сказала Грейс. — Мы купим новые, просто сейчас мне надо понять, можно ли сократить сеансы, пока они не пришли. Я не хочу, чтобы сын снова платил за проверку прибора, у него с самим прибором всё в порядке.

Хелен измерила насыщение кислородом, выслушала лёгкие и сравнила показания с прошлой записью. Марк стоял у стула, занятого коробкой с расходниками, и придерживал принесённый матерью пакет. Грейс выполняла просьбы врача, затем согнулась, пережидая кашель.

— А рабочий ингалятор ей помогает ночью? — спросил Марк. — Она говорит, что легче заснуть после него. Я могу отдавать свой, если нужно чаще, мне на смене одного хватает не каждый день.

— Он не лечит то, что происходит в лёгких. Не увеличивайте употребление только потому, что тревога становится меньше. Для дыхания нужен назначенный прибор и лечебная схема, а профилактический набор их не заменяет.

Грейс попросила выписать поддерживающую схему без новых обследований. Хелен сказала, что ухудшение уже подтверждено сегодняшними показателями, и открыла форму полноценной терапии. На экране появились два варианта: платный курс и заявка на распределяемую квоту.

Марк спросил, что нужно для положительной оценки. Хелен перечислила медицинские показатели, продолжительность курса и сведения о занятости, после чего Грейс сама назвала дату своего последнего рабочего дня. Врач не спросила, почему она больше не работает, и поставила отметку о стойком ограничении.

Ответ пришёл, пока Хелен дописывала схему прибора. В графе квоты стояло отсутствие соответствия критериям, ниже — соотношение расходов и прогнозируемого восстановления производственной занятости. Марк прочитал строку дважды, чтобы убедиться, что речь не о другой пациентке.

— Но она не станет работать без лечения. Если вы заранее пишете, что она не вернётся на участок, откуда ей взять другое состояние? Можно не ставить эту отметку и проверить ещё раз, когда ей будет легче?

— Я не могу написать, что у неё другое состояние. Эти показания как раз подтверждают необходимость лечения, но порядок квот учитывает ещё и сведения о работе. Повторный запрос возможен через комиссию, я укажу его в направлении, только обещать другой ответ не могу.

Грейс положила ладонь на край стола и попросила закончить сегодняшнюю схему. Она сказала, что ей надо домой до вечерней толпы, а Марку ещё на сортировку. Хелен посмотрела на Марка, затем внесла направление на комиссию и закрыла окно с отказом, не удаляя результата.

Из коробки на стуле она достала три фильтра в прозрачных пакетах. На каждом было написано, что образец не предназначен для продажи, и номер отличался от обычной торговой партии. Хелен положила их в пакет Грейс вместе с распечаткой режима.

— Это оставшиеся образцы после проверки совместимости. В отзыве о приёме не отмечайте выдачу дополнительного комплекта, пожалуйста. Иначе счётчик поставит её как обычную выдачу, и мне потом придётся объяснять, почему в этом месяце у вас превышена норма.

Марк поблагодарил её. Грейс застегнула куртку, прижав пакет к коленям. Хелен попросила не использовать образцы дольше назначенного времени.

У выхода Грейс остановилась перед коротким подъёмом к улице. Марк забрал у неё пакет, и на этот раз она не возразила. Через прозрачный край были видны новые белые фильтры; отказ в квоте лежал под ними на том же листе, что и лечебные рекомендации.

До дома они шли медленно, выбирая улицы без ступеней. Грейс сказала, что попробует новый фильтр сразу, но попросила Марка не ждать окончания сеанса. Он проверил подключение, поставил рядом воду и вышел, когда прибор ещё работал, чтобы не потерять подтверждённые часы.

На сортировке новую партию уже разложили на поддоны. В накладной стояли бытовая электроника и вспомогательное оборудование с административной террасы, как в предварительном уведомлении. Марк увидел между светильниками два корпуса андроидов, один с разбитой грудной панелью, другой без ноги.

Корпуса со снятыми учётными модулями разбирали, отделяя батареи и ценные элементы. Оболочки отправляли на измельчение. Марк взял повреждённый корпус и заметил у люка незнакомую маркировку.

Номер нанесли прямо на металл, ниже оставалась половина знака испытательного участка. Поверх него наклеили бумажную этикетку с категорией бытового списания. Марк приподнял край, сравнил оба обозначения и позвал оператора приёмки.

— По накладной это уже разобранный вспомогательное оборудование. Отдельной категории испытательных машин в партии нет. Если вы считаете, что здесь другое имущество, мне надо приостановить приёмку и запросить отправителя.

Марк попросил отложить этот поддон. Оператор показал общую пломбу: подтверждений отдельных мест не было. Соседний стол пока продолжал разбирать светильники.

— Если остановим, сегодняшний разбор не закроют? — спросил Марк. — Можно хотя бы записать, сколько уже сделали. Нам же поставили часы, а теперь выходит, что мы отработали их без результата.

— Часы останутся, но подтверждённый вес уйдёт после уточнения. Доплата по результату тоже подождёт, я не могу провести её отдельно. Вчера разделение разрешили потому, что у контейнера был свой номер, здесь его нет.

Марк прикрыл этикетку и вспомнил новый медицинский платёж. Задержка доплаты сегодня лишала его заработанных денег к расчётному сроку. Он написал Генри, приложив изображение испытательного знака.

Генри ответил не сразу. Он попросил проверить, пуст ли идентификационный отсек, а затем посоветовал отложить корпус и все незнакомые платы в контейнер несоответствий до утра. Марк показал ответ оператору, который уже позвал начальника вечернего разбора.

Начальник посмотрел на фотографию и набрал номер верхней приёмки. Там подтвердили списание партии по указанной накладной, но отдельную техническую справку предложили запросить в рабочее время. Он записал ответ в журнал и сказал продолжать разбор, не отправляя новые запросы от каждого стола.

— Я не собираюсь держать здесь людей до завтрашнего согласования. У них уже отмечено выбытие, у нас отмечено получение, категория одна и та же. Всё с пустым учётным отсеком разбирайте, остальное отложите, если найдёте номер на действующем модуле.

Марк проверил отсек под грудной панелью. Идентификационного блока там не было, но крепления центральной платы отличались от тех, с которыми он работал утром. Рядом, среди снятых деталей, лежала маленькая плата в металлическом кожухе с таким же испытательным обозначением.

Разъём платы был целым. На углу сохранился защитный лак, место опломбирования оставалось пустым. Марк повернул её к свету, стараясь не задевать открытые контакты.

Дома у Марка был старый тестер, который не сохранял длинные измерения. Он пользовался им для бытовых ремонтов и каждый раз переписывал результат вручную, потому что штатный модуль памяти давно вышел из строя. На этой плате были отдельные контакты диагностики, и разъём питания совпадал с одним из его переходников.

Проверить совместимость здесь было некогда, а без измерений Марк не хотел соединять плату со своим переходником. Он положил её возле деталей, приготовленных для измельчения, но остался у этого края стола. Оператор показал, что пора закрывать поддон, и придвинул к нему весовую ведомость.

Марк положил процессор рядом с отвёрткой, отделил провода и подписал вес снятого металла. Когда оператор отвернулся к следующему столу, он завернул маленькую плату в чистую салфетку и убрал в карман сортировочного жилета. Для неё следовало оформить отдельное движение, но он подтвердил, что все снятые детали разложены по указанным категориям.

Ведомость приняли без повторной проверки. Марк сдал инструмент и переложил свёрток в рабочие брюки. Переодевшись, проверил, не согнулись ли контакты.

Вечерние платежи прошли, оставив меньше, чем Марк рассчитывал утром. По дороге он перечитал сообщение Генри, но не сообщил о сохранённой плате. Вместо ответа поставил отметку о прочтении и убрал терминал, когда подошёл к домашней рамке.

Грейс сидела в кухне с новым фильтром на сушилке. Она сказала, что после сеанса удалось поспать, и спросила, закрыли ли вечернюю работу. Марк ответил, что закрыли, вымыл руки и достал из шкафа свой старый тестер.

Пакет с медицинскими бумагами оставался возле плиты. Марк ещё раз увидел строку отказа, когда мать доставала из него лечебную схему, но теперь не стал предлагать исправить отметку. В своей комнате он положил свёрток под лампу и развернул салфетку, стараясь не задеть детали на краю стола.

Глава 3

В комнате пахло горячей пылью, хотя тестер ещё не был включён. Марк протёр его крышку рукавом и положил рядом плату, принесённую с участка разборки. На защитном кожухе остался прямоугольный след от наклейки, под которой нашёлся заводской номер.

Он проверил сопротивление между питанием и общей шиной. У переходника пришлось заменить провод, державшийся на двух жилах. На фабрике эту работу не засчитали бы в норму, дома она заняла сорок минут.

Грейс принесла воду и посмотрела на раскрытый тестер. Поверх ночной рубашки она оставила рабочую кофту. Манжеты прикрывали ладони, в кухне опять было холодно.

— Ты ведь говорил, что у него память сгорела, — сказала она, переступая через провод. — Если это та же неисправность, зачем снова сидеть до ночи, когда завтра на смену? Я могу оставить тебе настольную лампу, но общий свет придётся выключить, счётчик уже перешёл на вечерний тариф.

— Память сама не восстановится, я проверяю другую деталь, — ответил Марк и отодвинул чашку от платы. — Возможно, из неё получится отдельный блок, только сначала нужно выяснить, что там вообще работает. Я закончу измерения и лягу, а дверь закрою, чтобы тебе не мешало.

Мать спросила, покупал ли он деталь, и Марк сказал, что нет. Она кивнула с таким облегчением, что объяснять дальше стало трудно. Когда Грейс ушла, он повернул плату номером к столу, хотя никто больше не мог его увидеть.

Процессор отвечал на служебные команды, но всякий раз останавливал запуск в одной точке. На тусклом дисплее появлялось требование внешнего удостоверяющего блока, после которого следовали время ожидания и отказ. Марк дважды проверил распайку, прежде чем признать, что питание здесь ни при чём.

Тестер не мог использовать плату как собственную память. Он служил источником питания и терминалом для чтения через диагностические контакты. Номера прочитанных областей Марк записывал на старом расчётном листе.

В памяти остались обрывки журнала загрузки. Одинаковые сообщения повторялись сотни раз, как после долгих испытаний на стенде. Между ними Марк нашёл отметку о сохранении сенсорного буфера при ошибке позиционирования.

Он знал такие буферы по рабочим инструкциям. Машина ненадолго запоминала показания датчиков, чтобы мастер мог увидеть, какой приказ предшествовал отказу и где движение перестало соответствовать расчёту. Здесь в перечне датчиков значилась ещё и камера, хотя обычные ремонтные программы изображение не сохраняли.

На извлечение одного пакета ушло больше часа. Тестер возвращал числа вместо картинки, и Марк собрал строку для своего старого просмотрщика, исправляя адреса по списку. Два раза он получал серое поле, а в третий раз заметил по краю зелёную полосу и перестал трогать провода.

Лист занимал почти весь кадр. На нём виднелись светлые жилки, коричневый надрыв у черенка и маленькая капля, в которой отражалось нечто белое. Марк сначала принял изображение за проверочную таблицу, но таблице не понадобился бы испорченный край.

В углу кадра чужой палец придерживал черенок, и Марк приложил к экрану свой. От стекла шло обычное тепло, и нелепость этого жеста заставила его оглянуться на дверь. За стеной мать кашлянула, потом зашуршала упаковкой одного из новых фильтров.

— Ты ещё долго? — спросила Грейс из коридора, и Марк услышал, как она прислонилась к косяку. — Мне не свет мешает, я всё думаю, что ты утром не встанешь и тебя отметят. Если дело не срочное, оставь до выходного, этот аппарат никуда не уйдёт.

— Уже заканчиваю, там осталась одна проверка, — сказал он, закрывая картинку окном с напряжениями. — Будильник я поставил, а на смене завтра работа обычная. Тебе лучше лечь, доктор ведь сказала, что после фильтра можно уснуть спокойно.

Он дождался, пока шаги удалятся, и снова открыл кадр. До сих пор мать знала хотя бы примерно, чем он занимался по вечерам: чинил, считал, искал дешёвые детали. Теперь он оставил ей только слово «проверка», потому что сам ещё не мог назвать остальное.

Раздел запуска оставался закрыт без удостоверяющего блока. Марк записал номер подписанного диагностического образа и отключил питание. На экране ещё несколько секунд держался бледный след листа.

Утром вода в умывальнике нагревалась медленнее обычного. Марк стоял над раковиной с ингалятором и ждал, пока индикатор разрешит вдох, после чего привычно задержал дыхание. На время стало легче удерживать в голове нужные действия, хотя глаза по-прежнему резало от недосыпа.

На участке Генри сидел перед разобранным зарядным узлом. Рядом остывал напиток из автомата, поверх стакана мастер положил картонную карточку, чтобы в него не летела металлическая пыль. Увидев Марка, он первым делом спросил, закрыли ли вчерашнюю партию отходов.

— Закрыли, подтверждение пришло сверху, — сказал Марк, раскладывая инструмент. — В накладной оставили обычную разборку, и нам велели не задерживать участок. Я хотел тебе написать, но смена кончилась поздно, потом дома пришлось возиться с тестером.

— Мне хватило бы номера подтверждения, я его в папку положу, — ответил Генри и повернул к нему экран. — Когда через месяц спросят, почему два корпуса пошли не по своей строке, я не хочу вспоминать это по разговорам. А тестер у тебя всё тот же, который каждую весну собирается ожить?

Марк продиктовал номер и подождал, пока мастер закончит запись. Потом спросил, можно ли заставить старый аппарат читать диагностический образ, выпущенный до смены оболочек. Он назвал найденный номер так, будто встретил его в перечне запасных частей.

Генри нашёл выпуск в служебном каталоге. Вместо перечня функций открылись карточка совместимости и действительный сертификат центра. Мастер прочитал две строки и покачал головой.

— На своём тестере ты его не запустишь, там требуется блок машины, — сказал он. — Отдельный процессор может показать тебе журнал, но разрешение на движение и связь он получает от зарегистрированного удостоверятеля. Если будешь подбирать чужой блок, получишь два несовпадающих номера и отправишь всё это в отстойник.

— Я не собираюсь двигать домашний тестер, мне достаточно прочитать неисправность, — ответил Марк, чувствуя, что оправдывается слишком быстро. — Просто в карточке нет списка модулей, а подпись до сих пор действующая. Разве при установке не проверяют, что именно входит в старый образ?

Полный перечень хранился в центре, завод получал разрешённый выпуск и набор испытаний. Проверяли удостоверятель, питание, приводы и аварийную остановку; отозванный выпуск сервис не пропускал. Разбирать каждую программу заново мастеру никто не оплачивал.

— Помнишь тележки, которые после обновления не проходили порог? — спросил Генри, вновь берясь за зарядный узел. — Тогда мы на неделю вернули старый выпуск, хотя там половина названий ещё была от прежней модели. Сертификат приняли, тележки поехали, а потом центр прислал исправление и написал, что временное решение соответствовало порядку.

Марк спросил о старом канале получения диагностических пакетов. Генри ответил, что его пока не закрыли, но попросил не гонять домашний аппарат по заводской сети: каждое обращение записывалось. Марк пообещал сначала разобраться с питанием и вспомнил вчерашнее обещание матери.

Разговор прервал Артур, пришедший с листом срочных восстановлений. Одна машина требовалась к утренней отправке в административную резиденцию, где после замены напольного покрытия переносили оборудование зимнего сада. Подрядчик не успевал дать новую единицу, и фабрике предложили закрыть заявку восстановленной.

— Пластик может отличаться по оттенку, это согласовано, — сказал Артур, положив лист на стол. — Но мне нужна исправная рука, а не запись, что она почти исправна и после обеда станет лучше. Если сегодня не выйдете на испытание, я сниму восстановление и отправлю отказ, премию тогда считать будет не за что.

Генри передал заявку Марку и велел сначала осмотреть привод. В строке назначения стояло «уход за растениями», ниже — номер площадки верхней террасы и срок приёмки в воскресенье. Марк перечитал эти слова дважды, пока Артур объяснял, какой мастер будет отвечать за просрочку.

Андроид лежал на ремонтной тележке с одной отведённой рукой. Его наружную оболочку прорезал длинный след от крепёжной скобы, а локтевой привод не удерживал нагрузку и медленно отпускал шарнир. На груди оставались заводская табличка и пломба удостоверяющего блока, такие же, как у сотен других машин.

Марк снял повреждённую панель и подключил обычный стенд. Удостоверитель ответил, серийный номер совпал с заявкой, после чего в списке неисправностей появился датчик положения локтя. На стол он положил только разрешённые детали; найденная плата оставалась дома, завернутая в салфетку.

Два складских привода числились за сборкой, третий оказался без приёмочной метки. Выдать его разрешили после измерения на другом участке. Получение детали заняло время первых двух проверок смены.

Когда он вернулся, Эмили рассматривала снятую панель под боковым светом. Она провела пальцем по краю трещины и спросила, годится ли для отправки оболочка с их участка. Марк ответил, что в заявке допустили другой оттенок, и протянул ей лист, стараясь не смотреть слишком долго.

— Другой оттенок допустили, а другой зазор забыли согласовать, — сказала она, проверяя размер. — Если возмёшь вчерашнюю оболочку, придётся менять нижнюю защёлку, она сядет на ребро. Я принесу нужную, только не ставь пока эту, потом у тебя весь локоть снова уйдёт на стол.

— Спасибо, я тогда займусь кабелем, — ответил Марк, освобождая место возле тележки. — У старого зажим перетёр изоляцию, ещё немного, и мы бы искали ошибку в датчике зря. Твою фамилию в доработку я впишу, чтобы время не пропало.

После замены привода машина подняла пустую кисть и остановилась в заданной точке. С контрольным грузом положение сместилось на несколько градусов, и Марк сначала проверил затяжку, потом вынул новый узел обратно. В переходной втулке обнаружилась стружка, которую первая проверка без нагрузки не показала.

Джеймс подошёл, когда Марк снова измерял посадку. Сборку отправили помогать с утренними ящиками, и на нём был складской жилет. Посмотрев на часы и разобранный руку, он спросил о доплате.

— Если примут целиком, восстановление пойдёт по повышенной ставке, — сказал Марк, не уточняя, какая доля достанется ему. — Мне только нельзя сейчас бросать, потом снова придётся проверять нагрев и удержание. Ты можешь забрать эти коробки с прохода, чтобы Артур не решил, что я устроил здесь склад?

— Коробки я заберу, но от них у тебя рука быстрее не соберётся, — ответил Джеймс и присел возле тележки. — Давай я подержу груз, у вас этот подвес всё время уходит боком. Если Артур спросит, скажу, что мне велели подготовить крепление на отправку, это почти правда.

Они закрепили груз вдвоём и прогнали руку по трём положениям. Джеймс следил за упором, Марк записывал ток и температуру, не опираясь на округлённые показания зелёной шкалы. На четвёртом цикле цифры перестали расти, и неисправность наконец можно было закрыть.

— С тебя напиток, когда премия придёт, — сказал Джеймс, убирая пустую тару. — Только не самый дешёвый, где внизу остаётся белый осадок, у Рут от такого живот болел. И поешь сегодня, у тебя лицо как у этого корпуса до замены панели.

Марк обещал напиток и поблагодарил его за груз. Джеймс уходил, уверенный, что помог заработать на лечение матери. Марк дал ему уйти с этой уверенностью.

К концу основного времени машина прошла проверку аварийной остановки. Её можно было передать на установку программы и получить премию. Марк вытирал ладони влажной тряпкой, пока тележка стояла перед ним, вполне исправная.

Он записался на последнее окно сервисного стенда для проверки после замены привода. До начала оставалось полтора часа, достаточно для поездки домой. Марк отметил перерыв, впервые решив потратиться на второй автобус.

Дома Грейс разбирала карточку лечебного режима. Марк объяснил, что вернётся на вечернюю проверку, и прошёл в комнату за кофтой. Он взял плату с переходником, проложив между ними расчётный лист.

Когда он вернулся на фабрику, два сервисных места занимали машины с ошибкой зарядки. Генри переключался между стендами, пытаясь освободить очередь до ночной смены. На третьем месте оставался открытым его сеанс с заявкой Марка.

— Делай здесь, я уже привязал номер к ремонту, — сказал Генри, придвигая клавиатуру. — Сначала штатный выпуск, потом короткий цикл с грузом, даже если механика у тебя закрыта. На кнопку отправки нажму сам, ты оставь результаты и позови, когда всё будет готово.

Марк спросил, можно ли после нового привода провести дополнительную диагностику старым совместимым выпуском. Генри прочитал карточку, проверил действительность сертификата и разрешил временную установку, напомнив вернуть профиль для растений. Затем на соседнем стенде сработал звуковой сигнал, и мастер ушёл выяснять, почему машина не отпускает зарядный разъём.

Плата вошла в сервисный разъём через переходник, не касаясь штатного удостоверителя. Марк заранее проверил распайку дома и теперь ещё раз сверил напряжения, прежде чем подать питание. Впервые вместо отказа на маленьком дисплее появилось подтверждение зарегистрированного номера машины.

Он установил образ через открытый сеанс, сохранив штатную программу управления приводами и аккумулятором. Найденный блок не должен был управлять ими: он выдавал старому сервису подписанный образ и хранил копию диагностических данных. Марк отключил разрешение на команды движения в дополнительном профиле, оставив только чтение уже полученных показаний.

Переписать образ, не повредив подпись, он не мог. Предусмотренные параметры позволяли выбрать сохраняемые пакеты и размер буфера. Марк включил камеру, поставил минимальный размер и оставил выдачу лишь по отдельному запросу стенда.

Первый запуск оборвался ещё до проверки руки. В журнале появилась ошибка питания дополнительного блока, а на экране сервиса — требование повторить цикл после устранения подключения. Марк выдернул переходник слишком резко, задел пальцем горячий кожух и некоторое время держал руку под столом.

Ошибка оказалась в разъёме, который прижимала новая панель. Он передвинул крепление, закрепит провод дальше от шарнира и повторил запуск, стараясь не смотреть на оставшуюся красную строку. Удалить её средствами рабочего сеанса было нельзя, а искать способ очистки означало бы выйти из ремонтной процедуры, которую Генри ещё мог объяснить.

На этот раз сервис принял сертификат. Марк вернул рабочий профиль ухода за растениями, но дополнительный диагностический процесс остался в разрешённой области старого выпуска. Обычный список испытаний проверял его совместимость с удостоверятелем, не открывая сохранённые параметры буфера.

Машина удерживала груз и останавливала привод по сигналу. Расход покоя немного вырос, оставаясь внутри допуска, и Марк вписал действительную величину. Эта разница заставила его подумать о сравнении двух отчётов.

Генри вернулся с разъёмом зарядки в руках и просмотрел результаты. На строке повторного запуска он задержался, спросил о причине и получил ответ про прижатый кабель. Марк показал крепление, которое действительно переделал, и за этим верным объяснением оставил всё остальное.

— Хорошо, что заметил на стенде, — сказал Генри, убирая разъём в пакет для брака. — В резиденции на нас бы повесили ещё и вызов техника, а там за час прохода возьмут больше, чем за ремонт. Теперь проверь, чтобы под панелью ничего не тёрлось, и закрой, утром эта заявка должна уйти без меня.

Марк заглянул под оболочку. Плата стояла вне хода руки, но на неё не было строки в перечне деталей. Он ещё мог вынуть её и объяснить задержку тем же кабелем.

Генри ждал у экрана, потирая переносицу под очками. Марк защёлкнул панель и сказал, что всё свободно, после чего мастер подписал отчёт своим удостоверением. В нижнем углу возникли фамилия Коул и точное время, а фамилии Марка досталась строка исполнителя механического ремонта.

Мастер спросил, остались ли вопросы, и Марк ответил, что нет. Ему вспомнилось, как Генри однажды задержался после смены, чтобы научить его различать две почти одинаковые ошибки датчика. Сейчас тот же человек подписал чужую скрытую работу, и Марк убрал со стола исписанный расчётный лист, прежде чем мастер успел его заметить.

В воскресенье Марк пришёл на фабрику к погрузке, хотя его рабочее время начиналось позже. Диспетчер принял его объяснение о проверке транспортного упора и позволил заглянуть в открытую ведомость. Марк сверил номер машины, а рядом на обрывке упаковочной бумаги записал маршрут и адрес обслуживающей площадки.

Ящик подняли вместе с фильтрами для воды и светильниками. Грузчики спешили закончить до смены пропуска на воротах. Марк придерживал ленту, пока вокруг ящика затягивали крепление.

К вечеру он получил расчёт за восстановление. Доплата оказалась меньше, чем они с Джеймсом предполагали: время получения привода отнесли к подготовке, а не к ремонту. Марк отложил сумму на материнский фильтр, купил другу обещанный напиток и впервые за два дня поел в столовой без инструмента в кармане.

Дома Грейс дремала перед экраном. Лира рассказывала об обновлённых жилых секторах, показывая комнаты, в которых мебель казалась маленькой. Марк убавил звук, оставил матери воду и ушёл к своему столу.

Для домашних вызовов у мастеров оставили служебные розетки, подключённые к фабрике. Дежурный мог прочесть отказ стенда, не вызывая каждого на участок, хотя новые аппараты работали через другой интерфейс. Марк пользовался своей только для проверки расписания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.